

Анатолий Бугацковский

ПРОФЕССОР-ПТИЦЕЛОВ

•

Мой дядя Ваня застрелился.
Прошел священную войну.
Побрился, тайно помолился,
Челом пристроился к окну.

Чернел забор сквозь дождь и ветки,
Алел заоблачный лесок.
Мой дядя был художник меткий —
Точь-в-точь пробил себе висок.

Его вдова из Оренбуржья,
Из евразийского угла,
Картинки красочные мужа
С собой в столицу не взяла.

Оно и к лучшему. Столица
Положит их плашмя под спуд.
А тут его цветы и лица
На чердаке весь год цветут.

ПТИЦЕЛОВ

В однокомнатной его хрущевке
Сорок птиц в открытую живут:
Всякие скворцы и камышевки,
Снегири, щеглы, сорокопуд.
Им дана хозяином свобода,
Как в лесу, как в поле, обитать —
Только с невысоким небосводом,
Только осмотрительно летать.
И они не столько там порхают,
Сколько, будто люди, нарасхват
Булки трескать, запивая чаем,
И повсюду гадить норовят.
Не поют они, ленивы или
Им уставом петь запрещено.
Есть у них и предводитель — филин.
Ночью любит он смотреть в окно.
Спят они на книгах и в кастрюлях.
Рядом спит профессор-птицелов.
Среди нас зовется он грязнулей,
С божьей тварью разделивший кров.
Среди нас слывет он мизантропом.
Мир людей не нравится ему.
Создал он, как Ной перед потопом,
Что-то вроде рая на дому.
В каждом есть безумство демиурга,
Высшего могущества щепоть.
Вот и на отшибе Петербурга
Птичий обнаружился господь.
Только почему он неприкаян?
Часто покидает свой приют?
Боже мой, им птицы помыкают,
Филин рвет, клюет сорокопуд.

•

И вот единожды воспетое,
Безвинно легшее под спуд,
В иголку с легкостью продетое
Вершит сегодня самосуд.

И оторопь крещенья зябкого,
Прилюдный страх и мертвый сон,
И матери подола хлябкого
От пьяного отца заслон.

Твой облик, надвое разломленный,
Твой голос, севший навсегда.
Нас нужно было раззнакомливать
Без сожаления тогда.

И весь хаос, звездою чиркнувший,
И все хожденья на авось,
И проведенный шатким циркулем
Залив, шагреневый насквозь.

ПИТЕР

Зимний Питер зомбирован морем —
Пенист, топок, субконтинентален.
То, что не было взято измором,
По каблук — в сукровице проталин.
Угревые амфирные стыки,
Ноздреватый на Кировной цоколь
Штукатурить приходят таджики,
Языком не уставшие цокать.
В наших северных лицах истому
Не проймет никакая осанна.
Тяготеть к роковому надлому
Молодая не станет осанка.
Купол вышибло кислое тесто.
Льдины тлеют, как в чае печенье.
Снизу вспорото Адмиралтейство
Неизбывной блокады свеченьем.